



## **1. Надя. Станция Сенная, 2001 г.**

— Она мертвая, мертвая... Она не дышит. Ты слышишь? Ты ее убил! Мы ее убили!!!

Снег сыпал, не переставая, уже который день. Сенная была завалена снегом, все побелело и притихло — железнодорожная станция с призрачно светящимися желтоватым светом окнами, дома, магазины, дороги, сады и даже люди.

И только Надя не замечала декабрьской стужи, и для нее снег почти по колено казался пухом, теплым пухом, по которому она бойко шагала, высоко поднимая ноги, обутые в красные замшевые сапожки. Снег иногда доходил ей до коленей, и тогда полы ее клетчатой шерстяной юбки, скользя по белой нежной снежной глади, оставляли легкий след...

Бабушка Лера с трудом заставила ее в этот снегопад надеть головной убор, а так, с ранней весны вплоть до начала декабря, Надя ходила с непокрытой головой, позволяя всем любоваться ее густыми ярко-рыжими длинными кудрями.

Юфины — все рыжие. И никогда не мерзнут. Словно веснушки, рассыпанные золотом по всему телу, греют их.

Но именно в эту зиму 2001 года Надя Юфина полыхала, словно внутри ее поселился самый настоящий огонь. На свадьбе подруги ее поцеловал Виталий Бузыгин. Высокий худощавый парень двадцати трех лет — на целых семь лет старше Нади! Не местный, друг жениха, он появился в Сенной примерно за неделю до свадьбы. Яркий, но тихий, малопьющий, он всю свадьбу смотрел на раздумывавшуюся от танцев и вина Надю в воздушном и совсем не зимнем, несмотря на холодный ноябрь, голубом наряде с юбкой-пачкой, потом пригласил на один медленный танец, другой... Надя, всю свою школьную жизнь так и оставшаяся нецелованной, почувствовала, соприкасаясь с парнем, как по жилам ее заструилась превращенная в вино горячая кровь. Умница, отличница, на заднем дворе столовой, где праздновали свадьбу, она потеряла голову. Вместе с мозгами. Она чувствовала лишь свои губы, губы Виталия, его дыхание, замешенное на аромате вина с табачным привкусом, да его руки, поднимающие ее шелковые прозрачные голубые юбки.

«Так вот что такое любовь!» — думала она, когда Виталий грубо тискал ее в углу подсобки, катал на спине по снегу вдоль аллеи за столовой, шепча ей какие-то несуразные, смешные слова, носил на руках, проваливаясь в глубокие сугробы, отогревал своим дыханием ее руки, когда они, вернувшись на свадьбу, сидели рядышком за столом и выковыривали из больших свиных котлет украшения в виде

гранатовых зерен. Им казалось, что их никто не замечает, что все заняты исключительно собой. На самом деле нашлась «добрая душа», позвонившая со свадьбы бабе Лере и доложившая ей о происходящем. Поэтому, когда Надя, вернувшись домой в два часа ночи, хотела незаметно пробраться в свою комнату, в большой комнате внезапно вспыхнул свет, и баба Лера в ночной сорочке и наброшенном на плечи пуховом платке преградила ей дорогу:

— Привет, внучка. Как свадьба? Натанцевалась?

Баба Лера — высокая стройная женщина с медными кудрявыми «юфинскими» волосами, была и в свои пятьдесят пять красивой женщиной, которую и бабушкой-то назвать было трудно. Валерия Николаевна — это еще куда ни шло.

— Мне тетя Валя позвонила...

— Доносчица, — нахмурилась Надя. — И чего?

— Говорит, что ты с приезжим целовалась на лестнице, потом на заднем дворе, а потом вы вообще куда-то исчезли... Я же говорила тебе, чтобы ты шерстяное платье надела. Голая совсем пришла на свадьбу! Грудь, ляжки — все на виду! А это что?

И она приподняла ставшие мокрыми и холодными оборки капроновой юбки.

— Да ты же как ледышка! Вы где с ним были, что делали? Вернее, что он с тобой сделал?

— Ба, ничего такого. Целовались, конечно. Я на нем ездила, в смысле, на спине каталась... Ну, как на ослике! По снегу! Потом снежками кидались, с горки кубарем скатывались, весело было...

— Ему двадцать три. Он взрослый мужик. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Ба, мне уже шестнадцать!

— Не дури, Надя. Тебе школу заканчивать нужно, в университет поступать, в городе будешь жить... Не ломай свою жизнь. Ты слышишь меня? Ну-ка, давай снимай платье... Ляжки вон, совсем заledenели... Постой-ка, я тебе сейчас пушу воду в ванну, погреешься...

В горячей воде она пришла в себя. Лера сидела рядом, учила жизни.

— Ты слушай меня. Понимаю, дело молодое, разные ситуации случаются, но если вдруг чего... Ты должна все это вымыть из себя, понимаешь? Чтобы не забеременеть. Ты уж извини, что открытым текстом говорю, но кто еще скажет-то? Все твои подружки, которые казались тебе ангелами, самыми близкими людьми, которым ты могла душу открыть и доверить свои тайны, в какой-то момент, когда они увидят, как ты счастлива, непременно попытаются тебе сделать какую-нибудь подлость, гадость. Они моментально станут твоими врагами. Попытаются оклеветать тебя, его, словом, начнется у тебя веселая жизнь... Так что, дорогая внучка, будь готова ко всему...

— Ба, ты чего сегодня такая странная? С чего это моим подружкам мне гадости делать?

— Ты — красавица, понимаешь? Одного этого достаточно, чтобы желать тебе несчастья.

— Ба, ты меня удивляешь! Я думала, ты любишь людей.

— Раньше любила. Вот когда была такой же, как ты. А потом столько всего о людях узнала — не дай бог!

— И что, тебя твои подружки предавали?

— Я тебе когда-нибудь расскажу. А сейчас давай выходи уже из ванны, вон как распарилась, надевай пижаму, халат и приходи в кухню, я тебе сейчас молока согрею.

Надя с бабой Лерой жили в своем доме, большом и уютном. Мать Нади укатила с каким-то парнем на Север, когда Наде было всего-то пять лет, а отца она и вовсе не знала, хотя мать была с ним, что называется, в законном браке. Надя и фамилию-то отца забыла, хотя мать какое-то время носила мужнину фамилию. Вот и получилось, что баба Лера заменила маленькой Наде и мать, и отца, и всех родственников, вместе взятых.

В отличие от своих подруг и знакомых, не имевших отца или матери, Надя от отсутствия родных вовсе не страдала и не понимала, как можно горевать о матери, скажем, которая сто лет назад бросила тебя, вычеркнула из своей жизни. Не говоря об отце, который предал их с матерью, когда Надя была совсем крошкой. Надя была счастлива, живя с бабой Лерой, доброй и милой, с которой ей было спокойно и радостно. Баба Лера была спокойной, уравновешенной, справедливой, умной, щедрой, а еще рядом с ней Надя чувствовала себя защищенной. Она знала: что бы ни случилось в ее жизни, баба Лера всегда окажется рядом, поможет, спасет, научит, как жить дальше.

Личная жизнь самой бабы Леры последние шесть лет была связана с местным пасечником, вдовцом Родионом Чащиным. Уж так горевал Чащин по

своей умершей жене, так горевал, что и сам не заметил, как позволил здоровой и крепкой соседке Лере практически занять ее место, отдать себя на ее, женское попечение. Поначалу Лера просто заботилась о нем как о соседе, носила ему еду, стирала одежду, лечила его, когда болел, а потом он уже и не представлял себе жизни без нее. Хотя они по-прежнему продолжали жить каждый в своем доме.

В ту памятную ночь, перевернувшую всю ее жизнь, Надя почти не спала, все чувствовала на себе ласковые руки Виталия, вспоминала его глаза цвета зеленой, свежей травы, долгие, проникающие в самое сердце взгляды и те слова, которые он шептал, уверяя ее в том, что лучше и красивее девушки он в своей жизни не встречал.

Снежные забавы, которым они предавались под лихой свадебный шум, продолжились, несмотря на болезненное горло и температуру Нади, на следующий день, когда она сбежала с Виталием, подогнавшим к ее дому роскошный черный «Мерседес», который увез их в зимний лес, на незнакомую Наде дачу.

Это была даже и не дача, а настоящий большой дом, в котором какой-то волшебник распалил огонь в камине, замариновал мясо и украсил стол живыми подснежниками.

— Откуда все это, ты же не местный? — восхищалась Надя, сидя на толстой шкуре белого медведя, разостланной перед пылающим камином, и играя волосами Виталия, который положил на ее колени свою шальную голову. — Как тебе удалось все так быстро и красиво устроить?

— Жить вообще надо красиво, Наденька, — улыбался, лежа с закрытыми глазами, Виталий, предаваясь каким-то своим грезам. — У меня друзья, они и помогли.

— А чья это дача?

— Говорю же: друга. Он на время в Питер перебрался, женился там, а Макс, ну, у которого мы вчера на свадьбе гуляли, оставил ключи. Вот я все и придумал! Нравится?

— Да, очень. Спасибо тебе, Виталий, ты потрясающий!

— Горло не болит?

— Побаливает немного, — соврала она — было так больно, что Наде приходилось зажмуриваться при каждом глотании.

— Ты от температуры выпей еще шампанского!

Виталий был праздником, от него исходила такая мощная волна счастья, которая окатывала Надю с головы до ног. Она просто купалась в этой внезапно обрушившейся на нее волне радости, и голова ее кружилась, не переставая, как забытая детская карусель в парке.

Новые ощущения, которые охватили ее тело и которым, казалось, не было конца, доставляли ей и наслаждение, и боль, и какую-то сладкую тоску. А еще она была напугана, потому что понимала — в ее жизни произошло что-то очень важное, и что ей теперь делать с этой новой женской жизнью, она пока еще не знала. Современная, неглупая девушка, теоретически знакомая с миром мужчин и женщин и тех отношений, которые существовали между полами со времен Адама и Евы, Надя, в полном недоумении от



самой себя, предположила, что Виталий заколдовал ее — настолько велика была теперь ее зависимость от него. И эмоциональная, и сердечная, и физическая. В какой-то момент она почувствовала себя его рабыней, но бежать от этого рабства ей не хотелось. Она, словно утоляя жажду, глотала каждое мгновение, проведенное с Виталием, хотя и чувствовала, что мгновения эти полны отравы. И что все то, чем они занимались в заснеженном доме, в тиши белого леса и высоких сугробов, есть самое настоящее преступление, что Виталий повел ее за собой в самый настоящий ад, который он же, на только ему одному известное время, разукрасил розовыми и зелеными райскими красками.

В доме было тепло, даже жарко, но Надя мерзла, словно была маленьким зверьком, с которого быстро и безболезненно содрали шкурку. Не могла она вот так быстро привыкнуть к собственной наготе и наготе своего взрослого любовника, спрятавшего ее одежду.

А еще он заставил ее выключить мобильный телефон. «Чтобы не доставали».

Значит, Лера ищет ее, беспокоится. Она женщина неглупая, сразу поймет, с кем ее внучка, тем более что знает о появлении в ее жизни Виталия. Хоть бы в милицию не обращалась. Вот тогда стыдно будет. Очень. Перед всем поселком.

В перерывах между тем, что Виталий называл любовью, Надя уединялась в ванной комнате, чтобы по совету Леры гигиеническим способом обезопасить себя от нежелательной беременности. В один из таких моментов, прихватив телефон, Надя все

же отправила бабушке сообщение: «Со мной все в порядке. Скоро вернусь домой. Целую».

Ночью Надя проснулась от каких-то непонятных звуков и обнаружила, что в постели одна. Виталия не было. Она быстро вскочила, набросила на себя одеяло и подошла к окну, которое привлекло к себе ее внимание голубоватым и совсем не ночным свечением. Была ночь, и все вокруг должно было быть погружено в зимнюю сонную темноту.

Внизу, возле крыльца она увидела машину с зажженными фарами, которые и являлись источником света, и Виталия, вытаскивающего из багажника какие-то вещи. Ящики, коробки.

Она успокоилась. Главное, что он здесь, рядом с ней. Может, ездил куда-то по делам.

Надя быстро оделась и спустилась вниз, в кухню, включила свет как раз в тот момент, когда Виталий вносил туда большую картонную коробку. Увидев ее, сонную, щурившуюся от яркого света, он застыл на мгновение с растерянным лицом, потом вдруг широко улыбнулся:

— А ты чего не спишь?

— От шума проснулась. А ты где был?

— Да мне тут должок вернули, позвонили, сказали, чтобы срочно приехал. Здесь вино, продукты, сигареты, консервы.

— Запасы, что ли, делаешь? — рассмеялась она.

— Ну да.

— Но не хочешь же ты сказать, что мы здесь надолго?

— Нет-нет! Как только захочешь вернуться домой, ты только скажи, и я тебя отвезу. Могу прямо сейчас.

Она испугалась. Нет, ей вовсе не хотелось домой. Ей было хорошо здесь, в этом большом доме, с Виталием.

— Нет-нет, все в порядке, — поспешила она уверить его.

— Ну, тогда завари чайку, а то я замерз.

И он продолжил вносить в дом коробки и ящики. К чаю на столе появились шоколад, печенье, конфеты.

Надя, для которой происходящее являлось продолжением сна, с удовольствием ломала шоколад, разворачивала конфеты и, чувствуя вкус сладости, не отрываясь смотрела на своего возлюбленного.

— Ты счастлива со мной? — спрашивал он ее, обнимая и целуя. Его волосы пахли морозом, снегом, свежестью. Черный кашемировый свитер облегал мускулистые широкие плечи, Надя время от времени поглаживала его, чтобы убедиться, что он реальный, что этот прекрасный мужчина — не призрак, не результат ее ночных фантазий.

— Да, очень.

— Ты не представляешь себе, как я тебя люблю, — он наматывал на пальцы ее золотые локоны, целовал их, играл ими, запускал руки под ее одежду, словно тоже проверяя, все ли на месте. От его взгляда Надю пробивал слабый, но осязаемый разряд тока, который разгонял кровь по ее венам, заставляя сердце биться сильнее.

— И я тебя, — отвечала она, промокая свои ставшие шоколадными губы салфеткой.

— Хочешь жить в таком доме? Где-нибудь на море?

— Конечно, хочу!

— Значит, будем! Надо только постараться. Ты не представляешь себе, насколько все это реально!

— Ты что — богатый? Подпольный миллионер?

— Угадала!

— Я знаю одного такого миллионера, он приезжает иногда к нам, на станцию, у него здесь мать живет. Ты не представляешь себе, насколько он богат! У него своя строительная фирма в Москве, кажется. Он и тетю Лену, мать свою, хотел к себе забрать, но она отказалась. У нас никто ее не понял. А она говорит — хочу жить своей жизнью, в своем доме. Так Валера этот, ну, сын ее, прислал денег, и ей отремонтировали дом, он стал прямо как новый. Такую крышу сделали, красную, как черепичную... Ей постоянно какие-то посылки приходят, Валера так о ней заботится. Шубу привез в прошлом году. Норковую. Правда, она повесила ее в шкаф и носит старую дубленку, но все у нас на Сенной знают, что у нее есть шуба, да и вообще полно разных вещей.

— Кротов, что ли? — усмехнулся Виталий.

— Да, а ты что, его знаешь?!

— Да, Андрей рассказывал.

— Между прочим, он не женат, — сказала Надя. — Представляешь, тетя Лена как-то была у нас и сказала, что Валера мной интересовался, хотел даже в гости прийти, ну, когда к матери приезжал...

— И что, пришел? — Виталий больно сжал рукой ее плечо. Надя увидела, как остановился